

Наталья В. Данилевская (Пермь)

Текстообразующая функция оценки в научной коммуникации

✎ Ключне речи:

научный текст, научное познание, аксиологический аспект речевой деятельности, динамика текста, механизм текстообразования, познавательная оценка, выбор познавательного действия, научное знание, старое и новое научное знание.

Чланак се бави интелектуалном проценом и њеном улогом у научном дискурсу. Разматра се садржај интелектуалне процене – њени когнитивни и емотивни аспекти. Аутор покушава да спроведе комплексну анализу научног дискурса у смислу функције интелектуалне процене у формирању текста.

По мненију Ф. Кликса, язык представ- ляет собой мыслительный процесс, основанный на использовании знаний, содержащихся в голове человека (Кликс 1983: 259). При этом все объяснения реальных (и идеальных) объектов выступают в форме их вербализованного описания, т.е. представляют собой языковой *текст* – устный или письменный. Иначе говоря, в основе текста как вербального продукта познания действительности лежит знание как процесс и результат познавательной деятельности человека.

Функционально-стилистический анализ целого научного текста позволяет

рассмотреть *знание* с точки зрения его фиксации, текстообразующей роли, т.е. в плане отражения его формирования и выражения в тексте с акцентом на процессе производства *нового знания* по отношению к наличной системе научной информации. В этом смысле *знание* оказывается неким центром познавательной деятельности как таковой, ее целью, смыслом и содержанием.

Понимаемое таким образом *знание* как объект анализа научного текста предстает в виде целого, а его составляющими (по закону «часть – целое») являются *старое (известное) знание* и *новое (неиз-*

Стиль 2008

вестное) знания как компоненты развиваемого и выражаемого автором в тексте концептуального знания о предмете (явлении, свойстве) действительности.

Деление научного знания на компоненты «старое – новое» связано с самой природой познания, т.е. имеет гносеологические корни. Так, например, в психологии и философии высшим уровнем понимания считается момент непонимания (Леонтьев 1975, Лурия 1975; Розов 1977; Гусев, Тульчинский 1985; Мамчур, Овчинников, Уемов 1989 и др.), когда постигнутое и освоенное знание вынуждает субъекта фиксировать в своем сознании переход на следующий виток осмысления действительности, т.е. переход к рождению нового знания. Смысль о том, что высший уровень понимания не вынуждает заранее согласиться с постигаемым, напротив, он «по иному использует текст – не для стимуляции новых текстов, но для стимуляции превращения собственного сознания в способное ассимилировать новую реальность» (Мухелишвили, Шрейдер 1989: 14). Иными словами, с высшим уровнем понимания мы сталкиваемся тогда, когда деятельность, направленная на постижение действительности, подводит нас к необходимости преобразования как собственной, так и общенаучной системы знания, к ментальному творчеству по выработке *нового* знания. Следовательно, можно говорить о том, что знание, представленное как единство противоположностей «старое – новое», обладает текстообразующим потенциалом и может быть рассмотрено с этой точки зрения.

Компоненты старого (известного) и нового (неизвестного) знания – это материализованные в поверхностной ткани произведения аксиологически определенные смыслы, в своей целостности

репрезентирующие пошаговую динамику познавательно-коммуникативной деятельности ученого, направленной на выработку и обоснование в тексте нового научного знания. Понимаемые таким образом, старое и новое знание являются текстовыми единицами, т.е. выражают типовую содержательно-смысловую структуру научного произведения, связаны с реализацией познавательной целеустановки автора и его ориентации на читателя в процессе креативной деятельности, характеризуются структурно-содержательной целостностью и текст-строительной функцией. При этом взаимодействие компонентов старого и нового знания в процессе разворачивания текста обеспечивает его содержательную, смысловую и композиционную целостность.

Существенно то, что в процессе объективации в речевой ткани произведения научного знания более важным оказывается не *научно старое*, т.е. уже известное науке, зафиксированное в каких-либо предшествующих текстах (интертекстуальное знание), а *коммуникативно*, или **контекстуально старое**, известное из левого контекста данного конкретного научного произведения (интратекстуальное знание), т.е. знание, посредством которого в определенном дискурсе идет поэтапное развитие научной концепции, когда новое «выдается» автором по незначительным крупницам на фоне неоднократно воспроизведенного предшествующего знания, ставшего в силу своей коммуникативной узнаваемости ясным для читателя. Иначе говоря, контекстуально известное знание служит в тексте интеллектуально-мнестическим проводником нового, которое оказывается возможным и коммуникативно релевантным только на основе первого.

Ср., например, такие частотные в научных текстах средства, как *ранее мы отмечали, что; в предшествующем разделе мы говорили о том, что; как мы подчеркивали; как было отмечено ранее; мы неоднократно упоминали о; подчеркнем/повторим/напомним еще раз* и т.п. С помощью таких единиц в ткань текста вводятся повторы тех компонентов знания, которые непосредственно относятся к авторской концепции, т.е. собственно новому научному знанию.

По мере перехода гипотетического знания во все более доказанное растет уровень концентрации контекстуально старого знания на страницу текста, что связано с процессом накопления знания об исследуемом объекте в рамках отдельно взятого коммуникативного акта. Поэтому во второй половине текстового пространства и особенно на завершающих этапах его развертывания появляется эффект «смысловой атаки» (со стороны автора) новым знанием на воспринимающе-интерпретирующую деятельность читателя: в этих частях текста элементы нового концептуального знания особенно частотны, при этом они буквально «утопают» в окружении элементов контекстуально известного (уже прочитанного реципиентом в предшествующей части текста) знания. Поэтому в таких фрагментах научно новое знание характеризуется наибольшей плотностью на единицу текстового пространства, а интенсивность его выражения достигает наивысшей силы. Фрагменты текста, которым свойственна наибольшая плотность нового научного смысла (это обычно фрагменты, посвященные обоснованию и обобщению авторской гипотезы), можно назвать частями «концептуального взрыва». Здесь обычно уже незначителен объем интертекстуального

знания, но зато существенно увеличивается объем собственно авторского, нового знания, а соответственно – плотность интратекстуального чередования, связанного с формированием и выражением именно нового знания (Данилевская 2001: 196–204)

Сказанное позволяет рассматривать взаимодействие компонентов старого и нового знания в качестве *механизма текстообразования* в научной сфере деятельности.

Вместе с тем это действительно лишь механизм развертывания познавательного дискурса. Как и всякий механизм, он имеет, если можно так сказать, свою энергию, свой когнитивный стимул-мотор, в качестве которого выступает, по нашим наблюдениям, **оценка**. И это вполне закономерно, поскольку операция оценивания лежит в самой природе сознания и познания как целенаправленной деятельности. Еще А. А. Потебня подчеркивал, что в языке все оценочно, а выражение мысли всегда сопровождается сопоставлением с иной мыслью.

Искомое, как правило, выступает в виде некоторой проблемы, возникающей под влиянием новых потребностей, порождаемых уже достигнутым уровнем знаний. Значит, поиск никогда не начинается с нуля, а ведется при наличии какого-то минимума информации, которая используется ученым либо в качестве опоры (позитивная оценка наличного), либо отвержения (негативная оценка наличного). При этом оценка наличного оказывается одновременно оценкой *нового*, выраженной в изложении открыто или «спрятанной» в подтексте. Знание может считаться научным лишь при выявлении автором определенных отношений, характера связей или зависимостей между *новым* и существующими научными

теориями. Таким образом, *новое* возникает как акт оценки «старого», причем сама оценка совершается в терминах возникающего нового знания (Петров 1991: 65).

Таким образом, можно считать, что научное знание в целом (и новое, в частности) *изначально оценочно*, или – шире – *аксиологично*. Аксиологический характер научного знания порождается самой природой научного творчества как специфической отрасли человеческой деятельности, направленной на формирование ценностной информации об объективном мире. Так, целью всякого научного поиска является открытие и формулирование какого-либо свойства объекта действительности, закономерности или закона его функционирования и пр. При этом всякий акт поиска, фиксируемый в тексте, уже потенциально «претендует» на то, чтобы быть истиной, или, в терминах аксиологии, – научной ценностью. Последняя же возможна именно как высший уровень аксиологической цепочки, характеризующей специфику познавательной деятельности в науке: оценка — норма / закон / закономерность / тенденция — ценность. Иными словами, оценка – это первый необходимый шаг в движении знания от не-знания к знанию в его новой (впервые устанавливаемой ученым в тексте) или обновленной ипостаси. И в этом смысле вполне правомерно говорить о принципиальной важности оценки для процесса выработки и формирования *нового* научного знания.

Посредством интертекстуального взаимодействия компонентов знания (взаимодействия научно старого и научно нового знания) научный текст реализуется как факт социально значимого явления. Посредством интратекстуального взаимодействия компонентов знания (взаимодействия коммуникативно старого и

коммуникативно нового знания) в тексте осуществляется *динамика* самой мысли, ее поэтапного перехода от старого знания, уже известного в данном дискурсе, к новому, еще не выраженному. При этом важно, что именно оценка является основой формирования и развертывания в тексте концептуального знания. Эксплицитно или имплицитно выраженная, она всегда связана с авторским выбором той или иной концепции, идеи или просто суждения, мнения, утверждения, факта как определенной (позитивной или негативной) научной ценности. По мнению В. Ф. Навозова, С. Б. Крымского, В. С. Швырева, В. С. Библера, А. А. Ивина и др., оценка задает перспективу познавательного процесса и служит первым необходимым шагом в движении познания от не-знания к знанию, т.е. от проблемной ситуации и проблемы – к новой научной теории (Навозов 1969; Крымский 1974; Швырев 1984; Библер 1998; Ивин 2000).

По мнению В. С. Швырева, степень «вращенности» субъекта в определенный способ видения действительности предполагает субъект-объектные отношения «встречи» различных сознаний, соотнесение их позиций и соответствующего их перестроения» (Швырев 1988: 171). Именно установление взаимоотношений (со знаками «+» или «-») между различными субъектами научного сознания, точнее, между сознаниями различных субъектов, служит неявной предпосылкой смыслообразования (Там же: 174–175). Кстати, гипотетические посылки (как начальное обозначение в тексте нового знания) оказываются таковыми только потому, что, по мнению А. В. Славина, рядом с ними «имеются посылки, истинность которых уже установлена» (Славин 1976: 70), поэтому никогда не бывало никакого нового знания, кото-

рое до некоторой степени не определялось бы знанием, ему предшествовавшим. Более того, рациональным поведением человека управляет система ценностно-ориентировочных установок его сознания. Эта система основана на принятых в обществе правилах, нормах, схемах рационального поведения.

Итак, природа познания глубоко оценочна. Каковы же функции оценки в научном дискурсе? Выступая, как было отмечено, стимулом взаимодействия (динамики чередования) компонентов старого и нового знания, оценка пронизывает все моменты их переплетения, т.е. участвует в формировании и оформлении текстовых стыков научно известного с контекстуально новым знанием. При этом оценка сопровождает все мыслительные действия автора: 1) действия, направленные на формирование *содержания нового знания* (онтологический аспект эпистемической ситуации); 2) действия, направленные на определение путей и способов решения научной проблемы (методологический аспект эпистемической ситуации); 3) действия, направленные на выражение в тексте личностного, авторского отношения к предмету мысли, а также действия, специально адресуемые автором предполагаемому читателю (аксиологический аспект эпистемической ситуации).

Понятие *эпистемической ситуации*, введенное в научный обиход М. П. Котюровой (Котюрова 1988), сегодня широко используется в функциональных, в том числе функционально-стилистических исследованиях. Это понятие отражает обобщенное представление о комплексе экстралингвистических факторов, лежащих в основе познавательной деятельности и предопределяющих специфику

стилистико-речевой организации научного текста.

При этом если оценка, как мы отметили, пронизывает все аспекты эпистемической ситуации, значит, она непосредственно участвует в формировании и выражении каждого познавательного действия, но главное – посредством оценки, явной или скрытой, осуществляется взаимосвязь этих действий, реализующихся в текстовой ткани как та или иная разновидность одного из компонентов знания, т.е. как научно/коммуникативно новое или научно/коммуникативно старое. К сожалению, объем жанра статьи не позволяет рассмотреть данный вопрос более или менее полно, поэтому покажем соотношение оценки и мыслительной динамики только на примере одного познавательного действия, формирующего онтологический аспект выражаемого в тексте научного знания, а именно на примере *операции пояснения*.

Оценка смыслового пояснения – это оценка частного познавательного действия, направленного на фиксацию важности (необходимости, значимости) представления в конкретном фрагменте смыслового развертывания поясняющего аргумента в пользу высказанного положения.

Логическая операция пояснения понимается как прием, с помощью которого предмет определяется не вполне, а лишь в одном каком-либо отношении и с определенной целью (которая может состоять и в том, чтобы подготовить полное логическое определение). «Русская грамматика» 1980 г. дает следующую трактовку поясняющих отношений: «При собственно пояснении [...] два разных обозначения отнесены к одному и тому же предмету [...]. При этом первый и второй члены или дают разные названия одному и тому

же [...], или первый член ряда уточняется, конкретизируется вторым [...], или второй член ряда служит раскрывающим перечнем [...]. Пояснение[...] разъясняет (толкует), конкретизирует или *оценивает*» (Русская грамматика 1980: 174. Выделено нами. – Н. Д.).

232

Для нас важное значение в данных утверждениях имеет мысль о том, что пояснение, «работая по принципу» о том же самом, но другими словами», толкует предшествующий «член ряда», тем самым с определенных позиций (обычно здесь реализуется точка зрения автора текста) выполняет по отношению к нему оценивающую функцию. Представляется, что пояснение – это и есть способ выражения оценки предмета речи в аспекте его иного понимания; это средство фиксации в тексте авторского *выбора* из многих познавательных действий *именно этого*, поясняющего действия. Посредством пояснений (как и посредством других познавательно-оценочных действий ученого) во многом происходит постепенная шлифовка тех или иных содержательных тонкостей (деталей) нового научного знания. Не случайно операция пояснения довольно частотна в научном тексте. С помощью таких операций ученый углубляет как собственное представление о рассматриваемом предмете, так и представление о нем читателя, прокладывая последнему одновременно и путь для более быстрого и легкого понимания содержания всей концепции в целом.

Что же касается утверждения о *неполноте* определения предмета речи в рамках операции пояснения (см. определение, данное Логическим словарем), то здесь прежде всего имеется в виду не частичное пояснение какой-либо мысли, а именно пояснение какой-либо ее части, когда поясняющая оценка относится к

слову, словосочетанию простого или части сложного предложения.

Обычно оценка при операции пояснения стимулирует движение мысли от компонента контекстуально известного знания к компоненту контекстуально неизвестного знания, однако чтобы определить место этих компонентов в системе научного знания (т.е. в рамках соотношения «старое – новое знание») всего текста, необходим более широкий контекст.

Поясняющие высказывания преимущественно являются эксплицитованными и вводятся в текст пояснительными союзами *то есть, а именно, именно, или;* вводными словами и словосочетаниями *иначе, значит, иными словами, иначе говоря, другими словами, лучше сказать, короче говоря, иначе выражаясь, в смысле;* односоставными и двусоставными конструкциями *Под [...] понимается, Под [...] мы понимаем* и т.п., а также частями сложноподчиненного предложения *Мы имеем в виду, что; В том смысле, что* и т.п. Например: [...] *нет и теории самого невозмущенного начального состояния, в том смысле, что нет теоретического вывода [...]; [...] механизм языкового порождения нацелен [...] на порождение целых высказываний, а не на алгоритм простого сложения слов. Другими словами, коммуникативная направленность высказывания [...]; Рассмотрение языка с той или иной, но одной стороны может раскрывать только одну, или поверхностную сторону языка, а именно его возможные особенности [...]; Под авторским словом **понимается** повествование [...]* и др.

Оценка при пояснении может оформляться в тексте и графическими средствами – скобками, двоеточием или тире, а также нередки случаи совмещения символического и вербального пояснения. Ср.:

В нашей работе рассматриваются отвлеченные (ментальные) концепты; Выше этот вопрос – как выражается идеологическая позиция автора в тексте, где авторский голос не звучит вовсе – был поставлен в связи с повествованием [...]; [...] литовский суперэтнос развивался параллельно с русским: **находился в стадии пассионарного подъема** [...]; [...] изобразительность стиля самим своим наличием, своей интенсивностью, способами своей реализации (**проще говоря, тем, в чем и как она проявляется**) в конечном счете также характеризует повествователя [...] и др.

В текстах точных наук оценка при пояснении часто осуществляется языком формул, ср.: Согласно нашей гипотезе на начальный момент $t_0 = 10^{-43}$ сек порядок величин $|h_{\alpha}^{\beta}|$ для всех мод всех трех типов должен быть одинаков. **Иными словами**, $c_2 \eta_0 \approx c_6 n \approx c_z r_0 = f(n)$; Формула (4) позволяет оценить область в пространстве поперечных энергий, в которой находится большинство квазиканализированных электронов на глубине z : $0 < E_{\perp} < E^{\max} = z\delta [1 + (1 + 2U_m / z\delta)^{1/2}]$ и др.

В процессе вербализации ментальной познавательной деятельности ученого оценка при пояснении может сливаться с оценкой, сопровождающей уточняющие познавательные действия, в результате чего одно и то же высказывание оказывается бифункциональным и выступает как уточняющее пояснение. Ср.: **Определение сознания в качестве идеального выражает специфическое содержание категории сознания, а именно: тот аспект содержания этой категории, благодаря которому она логически противопоставляется категории материи; Это достигается путем введения в язык новых правил, регулирующих или надсинтаксическую структуру временных членений (как в**

поэтическом языке), или форму языковой изобразительности, то есть способ построения описываемых ситуаций (как в художественной прозе); [...] для них характерно наличие «жестких» (**отвечающих большим значениям частоты ω**) оптических мод и др. Выражаемая в первой части таких структур мысль оказывается не совсем понятной и ясной для читателя, поэтому во второй части высказывания она подвергается автором одновременно и содержательному сужению (уточняющей оценке), и содержательному расширению (поясняющей оценке), благодаря чему адресат получает возможность сопоставить содержание обеих частей и понять и ту и другую более четко и конкретно.

Интересны также случаи, когда поясняющее уточнение «сильно развивает» предшествующую мысль, в результате чего уточняемое обогащается содержательно, т.е. происходит прирост нового знания. Речь идет о моментах перехода поясняющих уточнений в собственно объяснение.

Приведем пример, где подчеркнутая часть предложения – это та главная содержательная новизна, ради которой, собственно, автором и предпринимается осложненное уточняющими и поясняющими отношениями объяснение. Однако в процессе объяснения выражаемая автором точка зрения (концептуально новое знание) расширяет свои смысловые границы, так сказать «обрастает» новизной посредством контекстуально нового знания (далее в примерах «новое знание» – нз): **Даже если усложнить язык, ← [уточнение (+нз)] кроме имен ввести другие разряды слов и добавить какие-либо правила, но оставить фиксированность языка, ← [пояснение] т.е. прекратить генерацию языковых**

средств, сохранится полное соответствие языка и мышления. ←[пояснение = объяснение (+ нз)] (Это распространяется на всякий мертвый язык: ←[1-е уточняюще-поясняющее объяснение (+ нз)] вследствие конкретной единичности конкретных значений мертвый язык всегда будет содержать конечное число высказываний. Живой человеческий язык не фиксирован. Посредством ограниченно-го числа языковых средств может быть высказано бесконечное множество мыслимых содержаний). ←[2-е уточняюще-поясняющее объяснение (+ нз)] Это достигается благодаря особому механизму – механизму мета-языка.

Еще пример: Всякий повествователь не только субъект, но и объект изображения, а повествователь «остраненный» – вдвойне или тройне: ←[1-е уточняющее пояснение = объяснение (+ нз)] читатель смотрит не только сквозь него на изображаемые события, но и на него и, лишь сопоставляя одно с другим и внося соответствующие поправки в толкование событий, предлагаемое рассказчиком, постигает собственно авторскую позицию.

←[2-е уточняющее пояснение = объяснение (+ нз)] Об этом очень хорошо писал М. М. Бахтин: «Автор осуществляет себя и свою точку зрения не только на рассказчика, на его речь и его язык... но и на предмет рассказа.

В целом именно таков путь формирования нового знания в научном тексте: всякий фрагмент авторской концепции «прогоняется» через множество различных оценочных действий, в результате чего это новое, во-первых, формируется как целостность, во-вторых, становится максимально (насколько это возможно) понятным, ясным, конкретным и – что немаловажно в процессе восприятия объемных научных текстов – узнаваемым для читателя именно как авторское новое научное знание.

В заключение подчеркнем, что в динамике представления знания те или иные оценочные действия редко реализуются в чистом виде, чаще всего изложение в конкретном фрагменте предстает как семантически синкретичное познавательно-оценочное действие по отношению к предмету мысли.

summary

Textforming function of assessment in scientific communication

The article deals with intellectual assessment and its role in scientific discourse. The content of intellectual assessment is regarded – its cognitive and emotive aspects. The author undertakes an attempt of complex analysis of scientific discourse in terms of the textforming function of intellectual assessment.

Литература

- Библер 1998: **Библер В. С.** Сознание и мышление (Философские предпосылки). – В: Философско-психологические предположения школы диалога культур. – Москва. С. 13–87.
- Гусев, Тульчинский 1985: **Гусев С. С., Тульчинский Г. Л.** Проблема понимания в философии. – Москва: Наука. – 192 с.
- Данилевская 2001: **Данилевская Н. В.** «Знание» как объект исследования и механизм выражения познавательной деятельности в научном дискурсе. Разновидности «знания». – В: Стереотипность и творчество в тексте. Пермь: Изд-во Перм. ун-та. – С. 196–204.
- Ивин 2000: **Ивин А. А.** Теория аргументации. – Москва: Гардарики. – 416 с.
- Кликс 1971: **Кликс Ф.** Пробуждающееся мышление: У истоков человеческого интеллекта. – Москва: Наука. – 302 с.
- Котюрова 1988: **Котюрова М. П.** Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та. – 170 с.
- Крымский 1974: **Крымский С. Б.** Научное знание и принципы его трансформации. – Киев: Наукова думка. – 207 с.
- Леонтьев 1975: **Леонтьев А. Н.** Деятельность, сознание, личность. – Москва: Наука. – 304 с.
- Лурия 1975: **Лурия А. Р.** Основные проблемы нейролингвистики. – Москва: Наука. – 253 с.
- Мамчур, Овчинников, Уёмов 1989: **Мамчур Е. А., Овчинников Н. Ф., Уёмов А. И.** Принцип простоты и меры сложности. – Москва: Наука. – 302 с.
- Мусхелишвили, Шрейдер 1989: **Мусхелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А.** Постижение versus понимание. – В: Ученые записки Тартусского университета. – Тарту. – Вып. 85: Текст – культура – семиотика нарратива. Труды по знаковым системам XXII. – С. 3–17.
- Навозов 1069: **Навозов В. Ф.** Оценка, ее структура и роль в познании. В: Проблемы методологии и логики науки. – Томск. – Вып. 5. – С. 77–83.
- Петров 1991: **Петров М. К.** Язык, знак, культура. – Москва: Наука. – 268 с.
- Розов 1977: **Розов М. А.** Проблемы эмпирического анализа научных знаний. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та. – 222 с.
- Русская грамматика 1980: Русская грамматика. Синтаксис. – т. II. – Москва: Наука. – 709 с.
- Славин 1976: **Славин А. В.** Проблема возникновения нового знания. – Москва: Наука. – 294 с.
- Швырев 1984: **Швырев В. С.** Научное познание как деятельность. – Москва: Наука. – 232 с.
- Швырев 1988: **Швырев В. С.** Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы. – Москва: Наука. – 176 с.